Е.В. Сартаков, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, e-mail: esartak@mail.ru

С.А. БУРАЧОК – КРИТИК РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»[1]

В статье анализируются рецензии редактора журнала «Маяк» С.А. Бурачка, посвященные творчеству М.Ю. Лермонтова – прежде всего его роману «Герой нашего времени». Опираясь на собственную теорию «русского романа», который должен по своей нравственности противостоять западноевропейским сочинениям «неистового» романтизма, Бурачок перевел разговор об эстетике произведения Лермонтова в религиозно-этический план. Сравнение взглядов Бурачка и позиции В.Г. Белинского по отношению к творчеству Лермонтова также в фокусе нашего внимания в данной статье.

Ключевые слова: *Лермонтов, Бурачок, Белинский, «Маяк», «Герой нашего времени».*

The article analyses the reviews of 'Mayak' magazine editor S. Burachok, devoted to Lermontov's work: the 'Hero of Our Time' novel. Relying on his own theory of 'the Russian novel', which was to resist the Western European art of 'furious' romanticism, Burachok transferred the conversation about aesthetics of Lermontov's oeuvre to religious and ethical plan. The article also focuses on the comparison of Burachok's and Belinsky's attitudes in relation to Lermontov's works.

Key words: *Lermontov, Burachok, Belinsky, 'Mayak', 'Hero of Our Time'.*

С.А. Бурачок, издававший вместе с П.А. Корсаковым[2] с 1840 года периодический сборник (с 1842 года – уже единолично и в формате журнала) «Маяк», вошел в историю русской журналистики как «полубезумный святоша, слогом литературного гаера поучавший Лермонтова» [Вацуро, Гиллельсон, 1986, с. 240]. Сколько-нибудь серьез-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-34-01210.

[2] П.А. Корсаков – цензор первого и второго издания романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (СПб, 1840; 1841).

ному анализу критические статьи Бурачка не подвергались ни в дореволюционное время[3], ни тем более в советское[4].

Симптоматично и то, что в отличие от своего главного оппонента В.Г. Белинского, статьи которого о М.Ю. Лермонтове можно прочитать в любом собрании сочинений «неистового» критика, рецензии Бурачка были с сокращением переизданы только в 2002 году[5]. Сложилась парадоксальная ситуация: в любом литературоведческом труде о Лермонтове Бурачок упоминался как главный критик «Героя нашего времени», но его статьи широкому кругу читателей были незнакомы. Сегодня тем более важно, когда литературоведение избавляется от советских стереотипов, постепенно преодолевает устаревший подход к литературной критике 1840-х годов (как одномерной модели, сфокусированной вокруг фигуры Белинского), объять *весь спектр* оценок творчества Лермонтова, увидеть не только тех, кто был «pro», но и тех, кто был «contra», а не просто повторять набив-

[3] Исключение – статья А.А. Григорьева «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия» (Время. 1861. № 5. С. 1–35). Нам представляется глубоко верной оценка Григорьевым Бурачка: «Везде, где дело идет о философских принципах, г. Бурачек <...> является мыслителем логическим, диалектиком, выработавшим свой оригинальный метод, с которым можно спорить, но которого нельзя было бы не уважать» (Там же. С. 17). Вместе с тем идея Григорьева об изменении эстетической программы «Маяка» в последние годы издания (от консервативной к реакционно-обскурантистской) кажется малоубедительной. Не случайно у критика она остается декларативной, не подтвержденной конкретными примерами из журнала Бурачка.

[4] Показательно, что в содержательной статье, прямо посвященной этой теме и опубликованной в «лермонтовском» томе «Литературного наследства», Н.И. Мордовченко, подробно разобрав критические отзывы о Лермонтове В.Г. Белинского, упоминает о Бурачке вскользь, упрощая сложную позицию последнего: «Суждения Бурачка не лишены интереса в том отношении, что они были не только грубее и примитивнее, но и последовательнее суждений других реакционных критиков. Бурачок откровенно бранил Лермонтова, в то время как другие заявляли о признании его поэзии, но за вычетом произведений обличительного и мятежного направления» [Мордовченко, 1941, с. 781]. В авторитетной «Лермонтовской энциклопедии» есть 48-строчная заметка о редакторе «Маяка», также выдержанная в крайне негативных тонах (*Попов И. В.* Бурачок С.А. // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 73). Как мы постараемся показать в этой статье, позиция Бурачка по отношению к творчеству Лермонтова была значительно сложнее.

[5] Две статьи Бурачка («“Герой нашего времени”. М. Лермонтов. (Разговор в гостиной)» и «Стихотворения М. Лермонтова. (Письмо к автору)») были опубликованы В.М. Марковичем с прекрасными комментариями Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной в антологии «М.Ю. Лермонтов: pro et contra» [М.Ю. Лермонтов, 2002, с. 53–65; 96–119] и одновременно вышли в журнале «Литература» с комментариями С.И. Соболева (Соболев Л.И. Степан Бурачок о Лермонтове // Литература. 2002. № 31. URL: http://lit.1september.ru/article.php?ID=200203105).

шую оскомину фразу о том, что Бурачок – обскурант, мракобес и «дурачок»[6].

Заметный вклад в анализ позиции Бурачка по этому вопросу внес В.Г. Мехтиев [Мехтиев, 2004]. Представляется, исследователь даже несколько преувеличил значение Бурачка и его издания в истории русской литературы и журналистики. Тем не менее по-прежнему остается не до конца выясненной идеологическая платформа журнала «Маяк» и позиция его редактора, которая в конечном счете и повлияла на резко негативную оценку Бурачком романа Лермонтова «Герой нашего времени». Очевидно, необходимо более подробно описать идейно-эстетическую концепцию Бурачка, что и сделано в предлагаемой статье на примере критики «Маяком» произведения Лермонтова.

Бурачок отозвался о романе «Герой нашего времени» одним из первых – в четвертой части «Маяка» за 1840 год (цензурное разрешение – 29 мая 1840 года) было опубликовано его анонимное обозрение «Книги литературные» (с. 210–219), которое заканчивалось разбором романа Лермонтова. В свою очередь это обозрение явилось четвертой статьей программного цикла Бурачка, в котором он намеревался познакомить читателей со своим видением задач философии и литературы. В этом же томе «Маяка» были напечатаны предыдущие части цикла: «Содержание философии» (с. 81–101, подп. С.Б.), «История философии» (с. 101–146, подп. С.Б.), «Книги религиозные и нравственно-философские» (с. 147–176, подп. С.Б.).

Анализ романа «Герой нашего времени» органично вписывается у Бурачка в его теорию «русского романа», который, по мысли критика, должен по своей нравственности и чистоте противостоять романам европейской «неистовой словесности». Исходя из этого убеждения, Бурачок делит все русские романы на три разряда. Первый – «низенькие», где сюжет (завязка, кульминация и развязка) «составляет все». К этому разряду Бурачком отнесены и исторические романы, в которых «развертываются лишь внешние деяния» людей. «Средний род» характерен для романов нравоописательных, в них анализируются «в лицах страсти, предрассудки, заблуждения», то есть «внешние явления общественного быта». Романы «высокого рода» обладают достоинствами двух первых, но помимо этого в них изображается «внутренняя жизнь, внутренняя работа духа человеческого, ведомого духом хрис-

[6] Последнее – известная эпиграмма С.А. Соболевского, написанная в 1840-е годы и включенная во все современные учебники по истории русской журналистики: «Просвещения Маяк / Издает большой дурак, / По прозванию Корсак; / Помогает дурачок, / По прозванью Бурачок» (Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 461).

тианства к совершенству, путем креста, разрушения и борьбы между добром и злом»[7].

Чтобы ощутимо задеть поклонников таланта Лермонтова (и, думается, не в последнюю очередь Белинского), Бурачок отнес роман Лермонтова к разряду «низеньких». Поэтому даже присутствующие в произведении достоинства («внешнее построение романа хорошо», «слог хорош»[8] и др.) не перекрывают его недостатков, главный из которых – вредное, по мысли Бурачка, идейное содержание. Содержание «Героя нашего времени» – «романтическое по превосходству, т.е. ложное в основании; гармонии между причинами, средствами, явлениями, следствиями и целью – ни малейшей <...>[9] т.е. внутреннее построение романа никуда не годится: идея ложная, направление кривое» (с. 210).

Вполне закономерно, что в образной системе романа положительные эмоции у Бурачка вызывает только Максим Максимыч: «...герой прошлых времен, простой, добросердечный, чуть-чуть грамотный, слуга царю и людям на жизнь и смерть». Но даже изображение этого персонажа нельзя считать вполне удачным: «...был бы единственным отрадным лицом во всей книге, если бы живописец для большего успеха своего “героя” не вздумал оттенить добряка штабс-капитана отливом d’un bon home [простака. – *Е.С.*] – смешного чудака» (с. 211).

Следует указать, что Максима Максимыча считали истинным «героем времени» и другие критики консервативного лагеря (например, С.П. Шевырев в рецензии, опубликованной в февральском номере «Москвитянина»[10]). Интересно отметить, что именно так, по-видимому, оценивал образ Максима Максимыча и Николай I: «Характер

---

[7] *С.Б.* [С.А. Бурачок] Герой наших времен. Мещанин // Маяк. 1840. Ч. 5. С. 22.

[8] *С.Б.* [С.А. Бурачок] Книги литературные // Маяк. 1840. Ч. 4. С. 210. В дальнейшем рецензию Бурачка цитируем по этому изданию с указанием в скобках страницы.

[9] В этом месте Бурачок ссылался на другую часть своего обозрения, где он размышлял о верном построении романа: «...в романе, как в истории, внешнее должно быть сигнатурой внутреннего: явления должны вытекать из причин и объясняться следствиями. Внутреннее, как важнейшее, должно быть на первом плане. Действующие лица, происшествия, завязка и развязка должны быть просто декорациями, средствами, непременно ведущими к разумной, светлой цели. <...> Где этого нет, там нет романа, а только праздная книга, с пустотой во весь формат, пустые лясы, беспредметная болтовня, пища для одной праздности, недостойная высокого искусства, – ремесло фокусника» (с. 193).

[10] В рецензии Шевырева о Максиме Максимыче сказано следующее: «Из побочных лиц первое место мы, конечно, должны отдать Максиму Максимовичу. Какой цельный характер коренного русского добряка, в которого не проникла тонкая зараза западного образования; который, при мнимой наружной холодности воина, наглядевшегося на опасности, сохранил весь пыл, всю жизнь души; который любит природу внутренно, ею не восхищаясь, любит музыку пули, потому что сердце его бьется при этом сильнее...» (Москвитянин. 1841. № 2. С. 517).

капитана намечен удачно. Когда я начал это сочинение, я надеялся и радовался, думая, что он и будет, вероятно, героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, которых обыкновенно так называют» [Цит. по: Эйхенбаум, 1969, с. 425].

Напротив, Печорин – человек безнравственный, эгоист и гордец, устами которого в романе оправдывается и эстетизируется зло. Вот как, например, Бурачок понял содержание первой новеллы «Героя нашего времени» «Бэлы»: «...воровство, грабеж, пьянство [?! – *Е.С.*], похищение и обольщение девушки, два убийства, презрение ко всему святому, одеревенелость, парадоксы, софизмы, зверство духовное и телесное». Смерть Бэлы, по Бурачку, вызвала у Печорина лишь радость и облегчение: «Бэла умерла, комендант плачет от глубины души, а герой – хохочет!» (с. 212). Хотя на самом деле, очевидно, смех Печорина – от того нервного потрясения, которое испытал персонаж; не случайно после смерти героини Печорин «был долго нездоров, исхудал»[11].

С точки зрения критика «Маяка», в основе жизненной философии Печорина лежит идея романтической свободы, которая понята в духе «неистовой словесности». Авантюрный сюжет, множество «интриг», «душераздирающие» картины и сцены – все это имеет исток в «легком чтении» «неистового романтизма». Бурачок возражает: «Удивительное дело, как эти герои трактуют себя высоко! <...> Душа у них тверда – когда она валяется в грязи неистовств романтических» (с. 216). Такая оценка лермонтовского героя, конечно, не позволила Бурачку увидеть всю сложность психологического рисунка романа, оценить те элементы психологического анализа, которые автор ввел в произведение, что в конечном счете привело к односторонней трактовке «Героя нашего времени». «История души человеческой», так занимающая Лермонтова, осталась для Бурачка недоступной.

Критик уверен, что «весь роман – эпиграмма, составленная из беспрерывных софизмов, так что философии, религиозности, русской народности и следов нет». И главная ошибка Лермонтова, человека, безусловно, талантливого, по мысли автора «Маяка», состояла в неправильном выборе главного героя. Причем выбор этот произошел от желания автора писать во вкусе «неистовой словесности», взяв себе в образцы современную французскую и английскую литературу: «Жаль, что он [Печорин. – *Е.С.*] умер и на могиле поставил себе памятник “легкого чтения”, похожий на гроб повапленный, – снаружи красив, блестит мишурой, а внутри гниль и смрад» (с. 211).

---

[11] *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени // Собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1954–1957. Т. 6. С. 237.

Пагубность «легкого чтения» (безотносительно к Лермонтову) – вообще излюбленная мысль критика «Маяка». Так, в обозрении русской литературы, куда вошла и рецензия на роман Лермонтова, Бурачок замечал: «Из тысячи смертных изобретений новейшего романтизма *легкое чтение* – самое нелепое, самое вздорное и, прибавлю, самое вредное изобретение для литературы! <...> Под легким чтением разумеют: пустословие, одетое в красивые, игривые формы, которое за недостатком устной беседы гостиных заменяло бы собой эту беседу, до первой оказии пошаркать, поболтать и убить время»[12]. В сущности говоря, то, что рецензент назвал «легким чтением», можно (конечно, с оговорками) охарактеризовать как *массовую литературу*, которая стала активно развиваться в России в 1830–1840-е годы в связи с увеличением читательской аудитории. Не случайно Бурачок всегда выступал против изданий Ф.В. Булгарина, на страницах «Маяка» вел полемику с «Северной пчелой», а главным героем первого сатирического произведения Бурачка «Повесть без заглавия» (в 1838 году запрещена цензурой) стал барон Брамбеус (О.И. Сенковский)[13].

Это не значит, что не нужно вообще показывать отрицательных персонажей в своих произведениях, просто, с точки зрения Бурачка, нельзя писать о них с такой одобрительной интонацией, как это сделал Лермонтов, и уж тем более нельзя считать их «героями» и признавать Печорина типичным представителем поколения: «Этим я не то хочу сказать, будто грешные, грязные и порочные вещицы человеческие надо вовсе исключить из числа материалов и колеров изящной словесности и убаюкивать читателя одними добродетельными, светлыми, высокими, чистыми <...> нет, я хочу только, чтобы все колера картины человеческого сердца были с подлинным верны с темной и светлой стороны; чтоб читателей не водили в кабинет идеальных чудовищ, нарочно подобранных; чтобы картина грязной стороны к чему-нибудь служила, а не вредила, и *чтобы автор не клеветал на целое поколение людей, выдавая чудовище, а не человека представителем этого поколения*» (с. 212–213). Из этого следует, что Бурачок совсем не понял ироничного отношения Лермонтова к понятию «герой» в заглавии романа.

Более того, критик «Маяка» не просто не увидел лермонтовской иронии по отношению к Печорину, он (вполне, кстати, следуя логике романтической эстетики) поставил знак равенства между главным героем и автором: «...от души жалеешь, зачем Печорин, настоящий автор книги, так во зло употребил прекрасные свои дарования, единственно из-за грошовой подачки – похвалы людей, зевающих от

[12] *С.Б.* [С.А. Бурачок] Книги литературные... С. 200–201.

[13] Черновики этой повести хранятся ныне в фонде С.А. Бурачка в рукописном отделе Пушкинского Дома РАН (РО ИРЛИ. Ф. 34. Ед. хр. 14, 15).

пустоты головной, душевной и сердечной» (с. 211). Это место в рецензии Бурачка, по всей видимости, особенно задело Лермонтова, который в первой редакции предисловия к «Герою нашего времени» писал, что журналы «почти все были более чем благосклонны к этой книге <...> все, кроме одного, который как бы нарочно в своей критике смешивал имя сочинителя с героем его повести, вероятно надеясь на то, что его читать никто не будет; но, хотя ничтожность этого журнала и служит ему достаточной защитой, однако все-таки, прочитав грубую и неприличную брань, – на душе остается неприятное чувство, как после встречи с пьяным на улице»[14]. В окончательном тексте предисловия, которое было напечатано во втором издании романа (1841 год), эти слова убраны.

После разбора романа Лермонтова Бурачок с его склонностью к обобщениям (подчас поверхностным) перешел к размышлению о том, каково вообще соотношение искусства и морали. По мысли Бурачка, «литература должна быть *служба Богу в лице человечества*» (с. 217). Поэтому книга Лермонтова вредна, ведь она аморальна, в ней Печорин не вызывает в читателе того чувства отвращения, которое должен был вызвать столь непривлекательный персонаж: «...какую услугу принесет человечеству портрет такого героя? – Разве ту, что после него число героев гораздо порасплодится, а уж никак не убавится, потому что книга читается, герой – мил, умен, остер, в самых неистовствах своих он кажется только жертвою судьбы» (с. 217).

Следует указать, что Бурачок здесь сформулировал основной тезис (ядро) своей эстетической концепции: искусство должно приводить человека к Богу. Еще во вводной части обозрения, где разбирался роман Лермонтова, по этому поводу сказано: «Эстетическое чувство должно подчиняться чувству духовному: освещаться, согреваться, оплодотворяться *любовью*, а любовь есть Бог. Стало быть, *цель* всяких изящных произведений есть служение Богу в лице человечества» (с. 191)[15]. Далее в статье Бурачок очертил границы понятий «духовное» и «душевное» и еще раз напомнил о необходимости подчинения эстетики религиозной этике: «Наши силы *душевные*: ум, чувственность и пожелание – очень непрочны без поддержки сил духовных: разума, чувства и воли. Ум одинаково логически и математически способен мыслить ложь и истину, смотря по тому основанию, исходной точке,

[14] *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. Т 6. С. 563.

[15] Примечательно, что точно так же смотрел на искусство и Гоголь, который считал его «незримыми ступенями к христианству» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Б. м., 1937–1952. Т. 8. С. 269). Тем не менее в отличие от Бурачка в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь высоко оценил талант Лермонтова и, указав на стихотворения «Ангел», «Молитва» и др., не счел его творчество аморальным. Хотя, конечно, «никто еще не играл так легкомысленно с своим талантом и так не старался показать к нему какое-то даже хвастливое презренье, как Лермонтов» (Там же. Т. 8. С. 402).

какие даст ему разум. И когда разум помрачен, ум мелет вздор. *Эстетическое чувство* <...> самое своекорыстное чувство: оно во всем ищет только себя, своих наслаждений; оно одинаково услаждается и картиной зла, и картиной добра. Но при свете духовного чувства эстетическому вкусу несносны картины зла, уродства, неистовства» (с. 218).

В этом фрагменте статьи, как представляется, содержался прямой выпад против Белинского и его идеи самоценности, «замкнутости» искусства. Критик «Отечественных записок» в так называемый «примирительный» период настаивал на полной «автономности» искусства, придавал исключительное значение «художественной точке зрения», ведь литература есть отдельный мир, существующий по своим законам, она развивается «имманентно», сама «в себе цель и вне себя не имеет цели»[16] (статья о «Горе от ума» 1840 года). В программной статье этого периода «Менцель, критик Гёте» (1840 года) Белинский осудил В. Менцеля за его упреки Гете в том, что тот чуждался общественно-политической проблематики: «Искусство не должно служить обществу иначе, как служа самому себе: пусть каждое идет своею дорогою, не мешая друг другу»[17].

А. Лаврецкий справедливо указал, что критика Белинского «примирительного» периода «является и сугубо объективной, и сугубо тенденциозной». Белинский считал, что поэт («орган общего и мирового») не может ошибаться. Объективистской была мысль о том, что не художественность зависит от идеи, от того, верна она или ложна, а идея – от художественности, которая объективна и правдива и делает таковым все, что с ней органически связано: «Тенденциозно то назначение искусства, которое дает ему Белинский: истинное художественное произведение “примиряет с действительностью”; согласно эстетике Белинского рубежа 30–40-х гг. художественное творчество не зависит от симпатий и антипатий художника, который в процессе творчества перестает существовать как определенная личность и превращается в голос абсолютной идеи» [Лаврецкий, 1968, с. 24–25]. Поэтому, по Белинскому, «верность мысли проверяется художественностью», «искусством писателя»[18].

Бурачок, посвятивший разбору взглядов Белинского отдельную статью «Система философии Отечественных записок», отметил, что критик журнала А.А. Краевского подчинил все аспекты творчества (идейные, философские, морально-нравственные) эстетически понятой категории «художественности», таким образом абсолютизировав «особость» «самоценного» Слова, отказавшись от Божественной природы последнего, которая его породила. Бурачок упрекал Белинс-

[16] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 3. С. 431.
[17] Там же. С. 403.
[18] Там же. С. 404.

кого в «идолопоклонничестве», считал ошибочной его веру в «непогрешимость поэтов»[19].

Получалось, что Белинский (сознательно ли?) до предела возвысил как искусство, так и его творцов, сделал их сакрализованными и чуть ли не священными[20]. Как справедливо отметил В.Г. Мехтиев, «в идее “замкнутости” искусства Бурачок уловил тягу “безбожного” человека к созданию “идола”, в качестве которого здесь выступают эстетически понятая красота художественного произведения и “всеведение” творческой личности» [Мехтиев, 2004, с. 14]. Полемика Бурачка со взглядами Белинского заканчивалась важным постулатом: «быстрое размножение» германских «философских систем» привело к тому, что «целью всех изящных произведений поставили единственно удовлетворение эстетическому вкусу, не подчиняя их никаким другим условиям»[21]. Именно поэтому так негативно редактор «Маяка» воспринял роман Лермонтова, который, по мысли Бурачка, написан в духе «неистовой словесности».

Интересно отметить, что разбор «Героя нашего времени» был высоко оценен известным романистом М.Н. Загоскиным, приславшим в журнал письмо, адресованное П.А. Корсакову. В нем он передавал свое восхищение статьей Бурачка: «...я так бы и бросился к Бурачку на шею – да на беду, шея-то его в Петербурге, а мои руки в Москве». Загоскин полностью разделяет мысль критика «Маяка» о том, что «Герой нашего времени» – «гадкая нелепость», написанная на потре-

---

[19] *С.Б.* [С.А. Бурачок] Система философии Отечественных записок // Маяк. 1840. Ч. 9. С. 9.

[20] Следует подчеркнуть, что, преодолев в себе тенденции «примирительного» периода, Белинский отказался от идеи «объективности» и «замкнутости» искусства. Уже в начале декабря 1840 года критик определил статью о Менцеле как «гадкую» (*Белинский В.Г.* Указ. соч. Т. 11. С. 576), а свою эстетическую позицию в целом – как ошибочную: «Да, Боткин, глуп я был с моею художественностию, из-за которой не понимал, что такое содержание» (*Белинский В.Г.* Указ. соч. Т. 12. С. 85). Однако тезис о том, что искусство должно быть «ступенью» к религии, Белинский последовательно отрицал до конца жизни. Так, основная полемика между «Маяком» и «Отечественными записками» развернулась в середине 1840-х годов. В годовом обозрении «Русская литература в 1845 году» Белинский недвусмысленно выразил свою позицию по этому вопросу: «Один журнал [«Маяк». – *Е.С.*] <...> обвинив в разных ересях всю русскую литературу <...> в том же самом обвинил “Библиотеку для чтения” и “Отечественные записки”, вероятно, основываясь на том, что в них нет статей теологического содержания. Да, их не было и не будет в “Отечественных записках”, потому что теология не входит в их программу». Критик полагал, что «писать о богословских предметах – должно быть исключительным правом и обязанностью людей духовного сана» (*Белинский В.Г.* Указ. соч. Т. 9. С. 403–404). Едва ли можно согласиться с «неистовым Виссарионом», ведь особенность русской православной культуры состоит в том, что многие (если не самые значительные) духовные труды были созданы в XIX веке людьми светскими (А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским и др.), когда получил распространение феномен, названный А.М. Панченко «светской святостью» [Панченко, 1999, 361–374].

[21] *С.Б.* [С.А. Бурачок] Система философии Отечественных записок... С. 19.

бу публике, а сам журнал оценивается им как «издание <...> в котором говорят прямо, что без религии не может быть и хорошей литературы»[22].

Итак, анализ откликов Бурачка о романе Лермонтова показал, что редактор «Маяка» хотел перевести разговор об эстетике произведения в религиозно-этический план. Критик опасался, что идея «самоценности» искусства приведет к его аморализму. В.Г. Мехтиев верно отметил, что эти идеи Бурачка были созвучны пафосу многих последующих русских мыслителей [Мехтиев, 2004, с. 187] и обрели законченную форму у одного из крупнейших культурологов XX века В.В. Вейдле, который утверждал, что на протяжении развития человечества искусство никогда не выполняло только «эстетическую функцию», однако в Новое время ситуация поменялась, что привело к «эстетическому эгоизму», то есть разрушению «веры в целостность личности», «отказ от творчества, то есть от Творца в себе, отказ от слияния с творческой основой мира», что в конечном счете символизирует «болезнь искусства» [Вейдле, 1996, с. 42, 46, 65, 90, 140].

Тем не менее такое восприятие искусства у Бурачка приводило к очевидной эстетической «глухоте», при которой, например, роман второстепенного писателя А.П. Башуцкого «Мещанин» ставился выше романа Лермонтова, а духовные стихотворения П.А. Корсакова – выше лермонтовской лирики[23].

Вместе с тем еще раз подчеркнем, что те требования, которые предъявлял Бурачок к роману Лермонтова «Герой нашего времени», бесспорно, отражали характерный для русской литературы нравственный максимализм, определивший ее национальное своеобразие. Совершенно прав В.Г. Мехтиев: «Выпады журнала [«Маяка». – *Е.С.*] против творчества Лермонтова свидетельствуют не о “бездуховности” произведений поэта, а об их причастности к абсолютному масштабу их требований, об исключительной духовной напряженности творчества поэта» [Мехтиев, 2004, с. 188]. В противном случае Бурачок просто не стал бы с ним полемизировать, как с еще одной «литературной мухой» (выражение редактора «Маяка»).

---

[22] Письмо М.Н. Загоскина // Маяк. 1840. Ч. 7. С. 101–102.

[23] Интересно отметить, что подобная эстетическая «глухота», идущая, как и у Бурачка, от признания главенства религии над искусством, довольно типична для многих современных представителей «религиозной филологии» (термин С.Г. Бочарова). Так, М.М. Дунаев в своем фундаментальном труде «Православие и русская литература» называет самым крупным (!) писателем современности В.Н. Крупина, потому что он «среди писателей русских, пребывающих в литературе на рубеже веков и тысячелетий, наиболее последовательно и сознательно упрочился в Православии» [Дунаев, 2000, с. 391].

Список литературы

Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986.

Вейдле В.В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. СПб, 1996.

Дунаев М.М. Православие и русская литература. М., 2000. Т. 6.

Лаврецкий А. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1968.

М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб, 2002.

Мехтиев В.Г. Журнал «Маяк»: духовная оппозиция эстетическим идеям журналистики 1840-х гг. и романтизму М.Ю. Лермонтова. Хабаровск, 2004.

Мордовченко Н.И. Лермонтов и русская критика 40-х годов // М.Ю. Лермонтов. М., 1941. Кн. 1. (Лит. наследство; Т. 43/44). С. 745–796.

Панченко А.М. Русская история и культура. СПб., 1999.

Эйхенбаум Б.М. Николай I о Лермонтове // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969. С. 423–426.

Поступила в редакцию
28.05.2015